

Абинякин Р.М., кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» (Россия)

ДЕВИАЦИИ ОБЛИКА НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА РККА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1920-Х ГГ.)

В статье исследуются самоубийства лиц начальствующего состава Красной Армии во второй половине 1920-х гг. как весьма специфический и болезненный симптом слома старого и формирования нового общества в целом и складывания его военно-корпоративной структуры в частности. Эта проблема является одним из характерных и малоизученных показателей социальных и морально-нравственных особенностей и настроений военнослужащих в условиях поствоенного психологического травматизма, радикальных общественных преобразований, политической борьбы, новой экономической политики и последствий «военной реформы СССР». Выявлены, систематизированы и проанализированы причины, мотивы и специфика должностного, материального, повседневно-бытового, ценностного, эмоционального и даже медицинского состояния военнослужащих РККА. Особое внимание уделено начальствующему составу, в том числе бывшим офицерам как носителям воинских традиций и недостатков старой русской армии в ходе формирования преемственности с Красной Армией. Его служебный и домашний психологический микроклимат в изучаемый период отличался серьезными лабильностью и девиациями, что неблагоприятно влияло как на чисто военную сферу, так и на общее социально-политическое благополучие. Основная масса использованных источников представлена архивными документами, которые вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Красная Армия, начальствующий состав, самоубийства, бывшие офицеры, морально-нравственный облик, военная реформа 1920-х гг.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-07-15

Введение. Ко второй половине 1920-х гг. завершались широкие преобразования РККА, известные как «военная реформа 1924–1925 гг.» [3]. Современные исследователи справедливо полагают, что ее хронологические рамки следует определять более расширительно, от подготовки и разработки до первых результатов и формального перехода на пятилетнее строительство Красной Армии [12, с. 4–5]. Начальствующий состав к середине 1920-х гг. был серьезно отфильтрован в ходе массовой демобилизации, аттестаций, проверок и чисток – и представлял собой, как тогда казалось, лучший человеческий материал. Неоднократно подчеркивалось, что «в настоящее время мы имеем в Красной Армии однородно-тактически подготовленный и сплоченный корпус красного командного состава ... наиболее преданный, вполне сроднившийся с Красной Армией» [7, с. 107–108]. Бесспорно, подготовка высокопрофессионального и позитивного командира является важнейшей государственной задачей и особенно необходима сейчас, в столь же непростых внешнеполитических условиях.

В действительности же до полного морально-политического благополучия в 1920-е гг. было еще далеко, как показывают недавно проведенные исследования социально-психологических особенностей и настроений бывших офицеров как влиятельной группы начальствующего состава РККА [1, с. 110–114; 2, с. 47–52]. Обращения к данной проблематике вообще исключительно редки: С.Т. Минаков [10] предпринял их лишь в отношении высшего командного состава,

а Я.А. Тинченко [21] относительно лишь некоторых высокопоставленных «военспецов»; наиболее профессиональны и содержательны работы А.В. Ганина [4; 5], хотя они затрагивают также довольно специфическую часть красного состава – бывших «генштабистов».

Целью исследования является выявление мотивов и причин самоубийств как специфического фактора служебного, материального, повседневно-бытового, эмоционального состояния и девиантного поведения начальствующего состава Красной Армии в условиях политической и экономической нестабильности переходного периода развития СССР после Гражданской войны.

Объекты и методы исследования. Объектом изучения являются начальствующие лица Красной Армии, предметом – самоубийства среди них, в совокупности причин, мотивов и условий. Методологической основой исследования являются принципы объективности и историзма: непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений на базе осмысления совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. Используются приемы статистического анализа: методика абсолютных и относительных статистических величин, сводки, корреляции. Применен метод историко-психологической реконструкции, основанный на воссоздании целостной картины процесса, явления, ситуации путем детального и комплексного анализа его составляющих.

Результаты и их обсуждение. Самоубийство вообще, а особенно самоубийство армейского командира, всегда является чрезвычайным происшествием. Распространение суицидов служит симптомом неблагополучия в армии и обществе, поэтому исследование причин и обстоятельств данного явления открывает широкие перспективы для характеристики служебного, повседневного-бытового, эмоционального и даже медицинского состояния армии и облика начальствующего состава в особенности.

При этом необходимо учитывать, что подавляющее большинство кадрового состава Красной Армии было участниками Первой Мировой и Гражданской войн, то есть являлось образцом типичного «человека с ружьем» – командира, привыкшего приказывать, применять насилие и морально готового к этому. Не стоит забывать и неизбежные эмоциональные перегрузки, которые, продолжаясь в течении войн годами, либо закаляли и огрубляли психику, либо усиливали ее лабильность.

Поэтому самоубийства, как признак крайнего неблагополучия в кажущихся благополучными условиях, чрезвычайно беспокоили не только командование, но и высшее политическое руководство. И если сначала, до 1927 г., статистика причин этого велась довольно поверхностно, по четырем чисто формально обозначенным направлениям (служебно-бытовые, внеслужебно-бытовые, индивидуальные, болезни) [14, д. 65, л. 53 об.], которые были явно неполными и недостаточными, то уже к 1928 г. отчетная документация насчитывала 21 мотив в 24 пунктах [14, д. 65, л. 48–49], то есть велась скрупулезно, персонализированно, учитывая даже незначительные нюансы.

Информационные обзоры и сводки ВЧК – ГПУ – ОГПУ о положении в стране и документы Главного Управления РККА о моральном состоянии армии являются, пожалуй, наиболее подробными и объективными источниками, так как их секретный и относительно систематизированный характер гарантирует неприкрашенную, порой нелюбимую информацию, свободную от пропагандистских искажений. Она сильно отличается от бравурных приказов и публикаций к десятилетнему юбилею РККА в 1928 г. [9; 11]

Впервые тема суицидов в Красной Армии возникла в сводках ОГПУ в 1924 г., в разгар «военной реформы» и – не стоит об этом забывать – нэпа и борьбы за власть после смерти В.И. Ленина. Отмечалось, что «за последнее время участились случаи самоубийств. Из анонимной анкеты, проведенной партколлегией 3-й дивизии [Краснознаменной Кавказской армии – Р.А.], выяснилось, что до 30% коммунистов думают или думали о самоубийстве

как о выходе из тяжелого своего положения. В связи с попыткой покончить с собой одного краскома представители комполитсостава говорили, «что скоро очередь дойдет и до нас», и что это даст толчок для улучшения нашего положения» [19, с. 82]. Сам факт специального анкетирования по вопросу самоубийства является весьма красноречивым симптомом – очевидно, что вопрос этот стоял по-настоящему остро.

На первый взгляд, это сообщение странно: речь идет об «упадочническом настроении» в первую очередь комиссаров, командиров послевоенных выпусков и коммунистов в армии вообще, тогда как пристальному надзору, частым изгнаниям со службы и притеснениям в политико-моральном смысле чаще подвергались «военспецы», то есть бывшие офицеры. Однако из документа выясняется, что в это время чекисты фиксировали «консолидацию командного состава, превращение его в касту, с реставрацией старого офицерского быта», подражание молодых командиров старшим [19, с. 80–81], то есть нередкое объединение командиров против политсостава. Планировавшееся введение единоначалия воспринималось многими как упразднение власти комиссаров, а более широко, на фоне «угара нэпа», – как отход от идеалов и завоеваний революции. Впрочем, уже в следующем квартале сводка ОГПУ упоминает суицид командира из-за увольнения из армии, так как «в связи с проводимой чисткой среди комсостава наблюдается нервность и расхлябанность» [19, с. 152].

В 1925–1927 гг. выяснения причин и условий самоубийств велись, но весьма путанно по хронологии и потому выборочно. «Обзор ГУ РККА и Политуправления РККА самоубийств и покушений на самоубийства» от 10 сентября 1928 г. содержит попытку сопоставления и выявления динамики этого, но сравнивает почему-то данные не по годам, а лишь отдельные «зимние периоды». Например, за «зиму» 1925/1926 гг. покончил с собой 281 военнослужащий, за «зиму» 1926/1927 гг. – 312, за «зиму» 1927/1928 гг. – 381 (Документ частично изложен в примечаниях сборника «Реформа в Красной Армии: Документы и материалы 1923–1928 гг.») [13, д. 72, л. 7–9; 12, кн. 2, с. 488]. Наиболее неблагополучной группой признавался средний комсостав, но конкретные цифры из общего количества не выделены. Так же голословно утверждалось снижение количества суицидов среди коммунистов и комсомольцев и росте среди беспартийных, – настолько неубедительно, что делалась оговорка о необходимости проверки сведений в силу их неполноты. Именно эта неполнота «Обзора» вызывает наибольшие вопросы. Очень похоже на то, что и командиры, и политработники

старались затушевать истинные масштабы проблемы и выдать желаемое сокращение самоубийств «сознательных» за действительное. Рейтинг причин суицидов «Обзор» выстраивает так: состояние здоровья; затем связанные со службой; далее внеслужебные [15, д. 72, л. 7–9].

В 1928 г. в постановлении РВС СССР самоубийства названы на втором месте в списке «явлений отрицательного порядка среди комсостава» – именно комсостава, а не армии в целом, – сразу после пьянства [8, с. 225]. С этого момента начался вестись не только количественный учет суицидов, но и подробное выявление их причин и распределения по служебным группам. Негативной стороной оставалось несоответствие отчетных периодов с календарными годами, но теперь они охватывали все события, а не отдельные сезонные отрезки.

Выясняется, что львиную долю среди них составляли лица кадрового состава, то есть представители начальствующего состава (начсостав РККА тогда состоял из следующих служебных групп: командный, административный, политический, медицинский, ветеринарный состав [18, д. 1, л. 11]), а также немногочисленных сверхсрочнослужащих младших командиров. Так, за отчетный 1927/1928 г. в Красной Армии всего произошло 715 самоубийств, из них на кадровый состав пришлось 682, или 95,4%. В отчетном 1928/1929 г. покончило с собой 689 человек, в том числе лиц кадрового состава 659, что дало 95,7% [14, д. 65, л. 41]. За отчетный 1929/1930 г. всего случилось 609 самоубийств, среди которых на кадровый состав пришлось 586 человек, то есть их доля выросла до 96,2% [14, д. 69, л. 29]. Несомненно, что именно это привело к внимательнейшему выяснению причин суицидов, так как для борьбы с ними требовалось не только повышение моральной устойчивости начсостава, но и устранение факторов, толкавших на столь отчаянный шаг.

Однако данной работе серьезно мешали два обстоятельства.

Первое было чисто организационным и состояло в небрежном ведении статистики и документации в целом. Типичным примером могут служить обобщающие материалы Главного Управления РККА за 1927–1930 гг. Работая с документами ГУ РККА, иногда складывается впечатление, что их составление велось либо в стиле «игры в цифири» ради сокрытия истинных масштабов явления, либо просто безответственно. С одной стороны, распределение данных о самоубийствах по служебным группам фиксировалось только в процентном выражении, без указания абсолютных чисел. С другой стороны, приведенные проценты – выборочны, поэтому в сумме не равнялись 100%.

Так, за отчетный 1927/1928 г. доля самоубийств рядовых красноармейцев обозначена в

9,5%, младшего комсостава 14,7%, среднего и выше комсостава 19,8% и переменного состава военно-учебных заведений (то есть курсантов) 8,3% [14, д. 65, л. 43] – что суммарно дает всего 52,3%; при этом отсутствие остальных 47,7% в документе никак не объяснено. В отчетном 1928/1929 г. по суицидам красноармейцы составили 10,2%, младший комсостав 11,9%, средний и выше комсостав 15,5% и курсанты 11,4% [14, д. 65, л. 44], давая в сумме 49,0%; еще 51,0% в материалах вновь отсутствует. За отчетный 1929/1930 г. процент самоубийств по красноармейцам равен 8,2%, по младшим командирам 14,6%, по среднему и выше комсоставу 12,3%, по курсантам 8,3% [14, д. 69, л. 32 об.], складываясь в 43,4%; и снова остальные 56,6% в статистике не упоминаются.

Впрочем, этот недочет был серьезным для работы военного ведомства в те годы, а для современного исследования не критичен. Сравнивая с приведенной выше общей численностью суицидов, обратим внимание, что там говорится о начсоставе в целом, а здесь – лишь о командном составе. Можно выдвинуть гипотезу, что проигнорированные лица административного, политического, медицинского и ветеринарного состава входили в оставшиеся, не упомянутые, и их процент можно лишь высчитать. В таком случае следует вывод, что их доля среди самоубийц в РККА росла, составив в отчетном 1927/1928 г. 47,7%, в отчетном 1928/1929 г. – 51,0% и в отчетном 1929/1930 г. – 56,6%. Только сокрытию этого роста и была бы полезна неполнота статистических сведений, если признать ее преднамеренность.

Суммируя доли среднего и выше комсостава и выявленного остального начсостава, получаем процент лиц начсостава, покончивших с собой за 1927–1930 гг., распределяющийся по годам так: 67,5%, 66,5% и 69,1% соответственно. Теперь, зная общее число самоубийств в РККА за эти годы, можно высчитать то самое, скрытое документами, количество покончившего с собой начсостава – с точностью до одного-двух человек, с поправкой на округление при переводе процентов в абсолютные цифры. Оно составляет в отчетном 1927/1928 г. – 483 человека, в отчетном 1928/1929 г. – 458 человек и в отчетном 1929/1930 г. – 421 человек. Снижаясь численно, суициды начсостава, тем не менее, росли в процентном выражении от общего количества.

В тоже время следует подчеркнуть, что это лишь обоснованное предположение, но не более. Серьезным возражением против него является загадочный столбец «Всего» в таблицах «Процент самоубийств среди служебных групп», указывающий 11,5% за отчетный 1927/1928 г., 11,2% за отчетный 1928/1929 г. и 9,8% за отчетный 1929/1930 г. [14, д. 65, л. 43–44; 14, д. 69, л. 32 об.] Учитывая,

что общая численность личного состава Красной Армии в 1927 г. составляла 950640 человек [14, д. 65, л. 11 об.], очевидна абсурдность указанных 11,5% самоубийц: в противном случае они составляли бы огромную цифру 109323 человека.

Второе обстоятельство, мешавшее борьбе с самоубийствами начсостава, заключалось в политизированном, можно сказать, «комиссарском» подходе к проблеме. Оно исходило из абсолютизации воспитательного воздействия, общественного влияния и морального оздоровления, то есть общих, малоконкретных, лишенных индивидуального подхода способов. Это приводило к нелогичным и необъективным выводам. Например, сравнивая снижение доли самоубийств среднего и выше комсостава за 1927-1930 гг., констатировалось «политико-моральное укрепление» [14, д. 69, л. 32 об.] этой служебной группы – и совершенно игнорировалось упоминавшееся повышение процента самоубийц кадрового состава с 95,4% до 96,2% и начсостава в целом с 67,5% до 69,1%. Рост небольшой и не принципиальный, но это опровергает бодрые заявления ГУ РККА о моральном оздоровлении.

Выявление причин суицидов велось очень подробно – как уже указывалось, по 21 критерию. По крайней мере, такой вывод напрашивается из соответствующих статистических таблиц. Действительно, некоторые мотивы, указанные в разных столбцах, довольно близки и различаются лишь тонкими психологическими оттенками. Это неопенимый исследовательский материал, так как позволяет проанализировать не только причины как таковые, но и составить своеобразный рейтинг их значимости для военного и политического руководства. Учитывая, что более двух третей самоубийств приходилось на начальствующий состав, распределение общего количества и процента причин суицидов можно экстраполировать на начсостав и признать объективными. В силу их многочисленности и охвату четырех календарных и трех отчетных годов, данные целесообразно приводить здесь в хронологическом порядке, но без постоянного повтора года для каждой причины.

Исследуемые материалы почти по каждому утверждению опровергают «Обзор ГУ РККА и Политуправления РККА самоубийств и покушений на самоубийства» от 10 сентября 1928 г., но, будучи всеобъемлющими, представляются гораздо более объективными.

Самую крупную группу составляли причины, «связанные со служебным бытом», насчитывая 11 пунктов. В отчетном 1927/1928 г. с ними был связан 231 случай (32,3%), в отчетном 1928/1929 г. – 261 (38,4%) и в отчетном 1929/1930 г. 211 (38,4%). Пункт 1 касался «тяготы службой»:

28 суицидов (3,9%), 31 (4,6%) и 18 (3,0%) соответственно, и его показатели менялись мало. Пункт 2 указывал на «невнимание начальства» – 30 (4,2%), 21 (3,1%) и 37 (6,1%). Слабо меняясь количественно, данная причина выросла в удельном весе почти в полтора раза. Пункты 3 и 4 схожи. «Притеснение по службе» довело до самоубийства 11 (1,5%), 35 (5,1%) и 4 (0,7%) человек. «Насмешки и притеснения окружающих», выделенные в отдельный столбец, относились тоже к служебным обстоятельствам, но не иерархическим, а бытовым, и унесли жизни 16 (2,2%), 17 (2,5%) и 11 (1,8%) человек. Думается, что именно они касались не начсостава, а рядовых красноармейцев. Пункты 5 и 7 отражали самые малочисленные причины: «снижение по службе» стоило жизни 5 (0,7%), 6 (0,7%) и 1 (0,2%), а «отказ в отпуске» стал роковым для 4 (0,6%), 4 (0,6%) и 6 (1,0%) военнослужащих. Устойчивое снижение показывал пункт 6 «Отсутствие служебных перспектив» – 17 (2,4%), 12 (1,8%) и 8 (1,3%) [14, д. 65, л. 44 об.–45; 14, д. 69, л. 32 об.].

Причины, содержащиеся в пунктах 8 – 11, за отчетный 1927/1928 г. указаны суммарно, составляя 120 (16,8%) случаев, и лишь потом начали фиксироваться порознь. Пункт 8 «Страх перед наказанием» насчитывал 76 (11,2%) и 78 (12,8%) и тоже представляется более присущим рядовому составу, так как начсостав был старше, эмоционально закален, дисциплинирован и потому нарушений допускал меньше. В пункте 9 отмечались «раскаяние, стыд, недовольство собой», повлиявшие на 18 (2,6%) и 22 (3,6%) суицидов. «Увольнение из армии, вскрытие чуждого элемента» (пункт 10) стали роковыми для 12 (1,8%) и 17 (2,8%) человек. Пункт 11 указывал на «исключение, непринятие в партию, комсомол» и демонстрировал резкое снижение, с 29 (4,3%) до 9 (1,5%) [14, д. 65, л. 44 об.–45; 14, д. 69, л. 31].

В качестве примера можно привести случай со слушателем артиллерийских курсов усовершенствования комсостава (АКУКС) Давиденко, который «застрелился после разоблачения на партсобрании его службы в Белой армии» [14, д. 65, л. 49 об.]. Анализируя данный факт, видно, что покончил с собой не просто командир РККА, но бывший офицер, к тому же служивший у белых и скрывший это, а главное, член или кандидат ВКП(б). В его лице сошлось сразу несколько причин для суицида – по пунктам 8, 10, а, возможно, и 11.

Данная группа причин позволяет выявить основные служебные проблемы, среди которых преобладали воинские и дисциплинарные нарушения и конфликты с начальством, зачастую на базе его формализма и предвзятости. Другие причины этой группы тоже зависели от отношения

начальников и подчиненных. Заметное место занимали противоречия политического характера: разоблачения скрывших свое прошлое (несомненно, неблагонадежное) и недоверие, выразившееся в отказе в высшем социальном признании при приеме в ряды большевиков.

Следующая группа причин связана с «внеслужебным бытом» и насчитывает три показателя, хотя фактически все остальные мотивы тоже могут быть отнесены к этой рубрике. В отчетном 1927/1928 г. в нее входило 119 случаев (16,6%), в отчетном 1928/1929 г. – 95 (13,9%) и в отчетном 1929/1930 г. – 73 (12,1%). Пункт 13 фиксирует «тяжелое материальное положение» у 34 (4,7%), 33 (4,8%) и 14 (2,3%) человек соответственно и резкое улучшение этого показателя к 1930 г. Предельно малочислен пункт 14, связанный с «утерей близких, одиночеством»: 5 (0,7%), 2 (0,3%) и 3 (0,5%). Это естественно, так как мощное омоложение начсостава РККА в ходе демобилизаций и введения предельного служебного возраста в первой половине 1920-х гг. делали смерть членов их семей маловероятной. Это «компенсировал» пункт 15, а именно «разлад в семье», количественно уступая только наркомании – 80 (11,2%), 60 (8,8%) и 56 (9,3%) [14, д. 65, л. 44 об.–45; 14, д. 69, л. 31].

Типичным до заурядности является пример помощника командира 98-го стрелкового полка по хозяйству Жемчуга (СКВО), застрелившегося «из-за семейных неурядиц»: жена ушла с двумя детьми, при этом «отсутствовало товарищеское отношение по службе», которое после распада семьи еще усилилось [14, д. 69, л. 33 об.]. Похоже, здесь соединились все три причины данной группы, хотя о материальных проблемах судить трудно в силу крайней скудности сведений.

Сугубо бытовые причины, естественно, связаны прежде всего с семейным положением и материальной обеспеченностью. Но косвенно можно отметить и немногочисленные социальные деформации, выражающиеся в одиночестве, то есть оторванностью от коллектива, и не только в силу потери близких. Несомненно, часть начсостава, особенно из числа бывших белых офицеров, была вынуждена жить замкнуто и скрывать свое прошлое. А вот материальная необеспеченность как мотив самоубийств (хотя и не самый распространенный) вызывает недоумение, так как в 1927 г. жалование начсостава было существенно увеличено [6, с. 189–190; 16, д. 629, л. 35; 20, с. 256]. В условиях дефляционной финансовой политики это ощутимо улучшало уровень жизни кадровых военнослужащих.

Причины, объединенные в следующую группу, обозначены как «индивидуальные» и разделены тоже на три рубрики. За отчетный 1927/1928 г. они вызвали 104 самоубийства

(14,5%), за отчетный 1928/1929 г. – 101 (14,9,4%) и за отчетный 1929/1930 г. – 110 (18,2%). Пункт 17 вполне «декадентский» – «Разочарование в жизни» – и мало отличается от интеллигентских психологических изломов начала XX в., насчитывая 33 (4,6%), 22 (3,2%) и 31 (5,1%) случая. Пункты 18 и 19 за отчетный 1927/1928 г. приведены общей цифрой, составляя 71 (9,9%) эпизод, и разделены только за следующие годы. Хотя их названия кажутся совсем не тождественными, но следует помнить активное насаждение в первые послереволюционные десятилетия презрение к личным чувствам в угоду формирования ценностной ориентации на общественные и трудовые идеалы. Пункт 18 содержит причины прямо-таки «маяковского» толка: «романтические (любовь, ревность)»: 55 (8,2%) и 47 (7,8%). А вот пункт 19 «Моральное разложение» немногочислен, но демонстрирует резкий, на 75%, рост – 24 (3,5%) и 32 (5,3%) [14, д. 65, л. 45 об.–46; 14, д. 69, л. 31 об.]. Это отчасти говорит о сохранении нравственного стержня основной массы начсостава, хотя можно привести и другое объяснение: аморальные проступки для совершающих их аморальных же лиц вполне естественны и привлекательны, и потому наименее способны вызвать стремление добровольно уйти из жизни с помощью револьвера. Показателен пример военного медика-мужеложца, который, пользуясь своим служебным положением врача, вовлекал красноармейцев, за что был уволен из армии [17, д. 12, л. 8–17] – но никаких поползновений к «смыванию позора кровью» предпринять и не подумал.

Эта группа причин обращает внимание произведенным не сразу, но все же разделением романтики и аморалки, то есть конкретизацией мотивов самоубийств уже в ходе статистической работы и даже вопреки идеологическим установкам, что указывает на стремление к адекватному их отражению.

Типичные примеры можно разделить на два тематических направления. С одной стороны, это «беспорядочно запутанная семейная жизнь (двоеженство, алименты, связь с несколькими женщинами)» [14, д. 65, л. 50 об.]. Фактически речь часто идет даже не о семейных отношениях, а о половой распущенности и ее последствиях (одно из которых – венерические заболевания – отражено в другой группе причин), хотя не стоит преувеличивать ее глубину: обычная супружеская измена и отношения с двумя женщинами в документах порой именуется «половыми извращениями», по сути не являясь таковыми.

С другой стороны, это бессмысленные «игры со смертью» из-за утраты чувства ценности жизни или из дикого молодечества. Речь идет о «стрельбе «на судьбу» из нагана», именуемой в

документах «чечеткой» [14, д. 65, л. 51 об.]. Очевидно, имеется в виду либо знаменитая «русская рулетка», либо опасная забава со стрельбой на голос в темноте, более известная под названием «кукушка», причем явно как подражание или усвоение староофицерских традиций. Не случайно в документах подчеркивается, что это свойственно именно старшинам и курсантам.

Весьма неожиданной для ГУ РККА стала информация о том, что «у партийцев и комсомольцев группа мотивов индивидуальных значительно выше, чем у беспартийных. А в разделе «индивидуальные» группа «моральное разложение» у партийцев занимает большее место, чем у комсомольцев и беспартийных» [14, д. 69, л. 37]. Это противоречит суицидальным настроениям коммунистов в 1924 г., о которых упоминалось выше и которые были вызваны служебными тяготами. Преобладание же количества самоубийц-партийцев над комсомольцами объясняется их более старшим возрастом, а, следовательно, более частыми семейно-бытовыми неурядицами и большим опытом беспорядочных отношений с женщинами.

Последняя группа причин состоит из четырех пунктов и, названная «Болезни», посвящена все же более широкому взгляду на состояние здоровья в целом. В отчетном 1927/1928 г. к ней отнесены 193 случая (27,1%), в отчетном 1928/1929 г. – 169 (24,9%) и в отчетном 1929/1930 г. 170 (28,1%). В пункте 21 упоминаются «физические» болезни, составляя 27 (3,8%), 33 (4,9%) и 35 (5,8%). И это является вопиющим доказательством безответственного отношения к проверке состояния здоровья кадрового состава РККА и на его стремление максимально скрывать серьезные заболевания во избежание увольнения из армии.

В пункт 22 выделены венерические болезни – 34 (4,8%), 32 (4,7%) и 22 (3,6%) случаев. В отличие от общих заболеваний, такие диагнозы в те годы были не только трудноизлечимы, но и позиционировались как позорные, способные нарушить социальные и семейные связи. Единственным утешительным фактом было их постоянное снижение.

Показатели пунктов 23 и 24 за отчетный 1927/1928 г. объединены, включая 132 (18,5%) случая, и разделены впоследствии. В отчетном 1928/1929 г. и в отчетном 1929/1930 г. пункт 23 «Нервные болезни и наркотики» насчитывает 84 (12,4%) и 94 (15,5%) самоубийств, являясь лидером среди всех причин и со временем увеличиваясь. Трудно заподозрить молодых здоровых крестьян – основную массу рядовых красноармейцев – в пристрастии к наркотикам (и в наличии у них денег на это) и серьезных нервных расстройствах, поэтому данная причина представляет относящейся исключительно к начсоставу. Пункт 24, воистину «шариковско-чугункинский», именовался

«Алкоголизм и наследственность», но включает незначительное количество суицидов: 20 (2,9%) и 19 (3,2%) [14, д. 65, л. 45 об.–46; 14, д. 69, л. 31 об.].

Причины самоубийств, связанные с состоянием здоровья, по суммарному количеству в группе уступают только служебным причинам, а поодиночке даже лидируют. Они представляются еще более серьезными, так как провоцируют социально-поведенческие отклонения и алкогольно-наркотические деформации личности, разлагающе влияя на морально-нравственный облик начсостава Красной Армии. При этом следует учитывать, что, с другой стороны, это было следствием как чрезвычайных психических перегрузок недавних войн, так и реалий социальной революции в широком смысле.

К 1930 г. определилась устойчивая тенденция, связанная с партийностью начсостава: «У беспартийных значительное количественное снижение вообще случаев самоубийств. То же и по мотивам служебного быта» [14, д. 69, л. 37]. Следовательно, при общем сохранении пропорционального уровня суицидов, доля членов ВКП(б) среди них возрастала. Учитывая, что все крупные оппозиционные группировки к этому времени были разгромлены, такое явление не вызывалось напряжением борьбы с ними. Гораздо логичнее объяснить это как разочарованием в революционной романтике и деморализацией от крушения прежним партийных кумиров, так и вполне обыденной усталостью от роста организационных требований к коммунистам и морально-бытовым разложением.

Завершая анализ причин самоубийств в 1927-1930 гг., необходимо отметить, что небольшая, но заметная их часть выявлена не была. В отчетном 1927/1928 г. невыясненными остались 68 (9,5%) случаев, в отчетном 1928/1929 г. – 54 (7,9%) и в отчетном 1929/1930 г. – 41 (6,8%) [14, д. 65, л. 45 об.–46; 14, д. 69, л. 32]. Налицо постепенное снижение, однако данная рубрика представляется самой мутной, так как могла использоваться для сокрытия и несчастных случаев с оружием, и той же самой «кукушки», и даже конфликтов и дуэлей: по неофициальным сведениям, поединки случались уже в 1921 г., а в 1925 г. их было около 90 случаев, в том числе 60 со смертельным исходом [10, с. 196].

Так или иначе, но причины почти каждого десятого происшествия остались не выясненными. Влияло и несовершенство практики расследования самоубийств, но закрытость и тесное взаимодействие внутри армейской структуры со временем должны были максимально облегчать ее, так как утаить что-либо становилось все более проблематично.

Следует отметить, что борьба с суицидами

юридически была почти невозможна. Уголовное законодательство СССР того времени предусматривало ответственность за содействие или подговор к самоубийству лишь двух категорий пострадавших: «несовершеннолетнего либо лица, заведомо неспособного понимать свойство или значение им совершаемого, или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали» (ч. 1 ст. 148 УК РСФСР 1922 г.). Ни одна из них не применима к красноармейцам и тем более к начальствующему составу. Новый Уголовный кодекс добавлял еще «жестокое обращение с зависимым лицом» как способ доведения до самоубийства (ч. 1 ст. 141 УК РСФСР 1926 г.), но касался опять же доведения до суицида. Сам факт попытки покончить с собой наказанию не подлежал.

В то же время в документах военного ведомства встречаются одиночные упоминания о реальных приговорах и сроках заключения для выживших самоубийц. В частности, военный трибунал Отдельного корпуса железнодорожных войск осудил человека из числа начсостава «на 1,5 года лишения свободы» [15, д. 70, л. 11]. Какими юридическими нормами обосновывался такой приговор – неизвестно.

Заключение (выводы). Таким образом, исследование самоубийств во второй половине 1920-х гг. позволяет утверждать, что «военная реформа РККА» не достигла оздоровления и качественного отбора начальствующего состава. Она проводилась в сложной и малоблагоприятной обстановке социальной нестабильности, психического и соматического поствоенного состояния военнослужащих, материальной необеспеченности и внутривнутрипартийной борьбы. При несомненном повышении политической однородности и лояльности в целом – морально-нравственная и нервно-психологическая обстановка оставалась весьма напряженной.

Во-первых, более двух третей самоубийств военнослужащих Красной Армии приходилось на начальствующий состав, свидетельствуя о серьезном неблагополучии его состояния – как морально-политического, так и служебно-бытового.

Во-вторых, среди причин суицидов лидировали суммарно по группам служебные, а по характеру – связанные с семейными проблемами, нервными расстройствами и алкогольно-наркотическими пороками.

В-третьих, именно они были наиболее свойственны начсоставу, тогда как мотивы рядовых красноармейцев больше провоцировались тяготами службы, притеснениями сослуживцев, страхом перед наказанием и раскаянием за совершенные проступки. Кроме того, среди причин самоубийств начсостава заметное место занимали невнимание начальства, отсутствие служебных перспектив, понижение в должности и увольнение из армии.

В-четвертых, преимущественную группу риска составляли члены партии, тогда как беспартийный начсостав демонстрировал значительное устойчивое снижение покончивших с собой. Характерно, что «партийцы» преобладали среди случаев не только и не столько служебных и политических, но и индивидуально-бытовых, поэтому связывать их суициды исключительно с политическим напряжением борьбы с оппозициями и участия в них было бы ошибочно.

В-пятых, статистика самоубийств постоянно совершенствовалась, свидетельствуя о пристальном внимании к морально-политическому облику командиров РККА, но при этом была сопряжена с документационной небрежностью и попытками сокрытия негативных фактов местным командованием.

В-шестых, количественное снижение общего числа самоубийств не означало сокращения их процента, а по вышеназванным наиболее острым проблемам, напротив, наблюдался небольшой, но постоянный рост.

Требовалось серьезное изменение организационной и воспитательной работы и развитие социальной адаптации начальствующего состава в мирное время и в новой общественно-политической обстановке. Представляется необходимым продолжить научный поиск в этом направлении.

Список литературы

1. Абинякин Р.М. «За рюмкой водки мы коснулись ряда политических вопросов...»: Настроения бывших офицеров в Советской России и СССР в 1920–1930-е гг. // Родина. 2015. № 9. С. 110–114.
2. Абинякин Р.М. Настроения бывших офицеров на службе РККА в 1920-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета: Научный журнал. 2013. № 4 (54). С. 47–52.
3. Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924–1925). М.: Воениздат, 1958. 460 с.
4. Ганин А.В. Военспецы. Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М.: Кучково поле, 2022. 768 с.
5. Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. – 2-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2017. 680 с.
6. Доклад РВС СССР. [Не позднее 27 июня 1929 г.] // Вестник Архива Президента Российской

- Федерации: Красная Армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 175-226.
7. Ефимов Н.[А.] Командный состав Красной Армии // Гражданская война 1918–1921 гг. В 3 т. Т. 2. М.–Л., 1928. С. 107–108.
  8. Из постановления РВС СССР «О политико-моральном состоянии Красной Армии». 27 июня 1928 г. // Реформа в Красной Армии: Документы и материалы 1923–1928 гг. В 2 кн. Кн. 2. М.: Летний сад, 2006. С. 223–231.
  9. Красная панорама. 1928. № 11.
  10. Минаков С.Т. Военная элита 20–30-х годов XX века. М.: Русское слово, 2004. 504 с.
  11. Приказ № 55 РВС СССР с обращением к личному составу Красной Армии в связи с 10-й годовщиной ее создания. 23 февраля 1928 г. // Реформа в Красной Армии: Документы и материалы 1923–1928 гг. В 2 кн. Кн. 2. С. 174–178.
  12. Реформа в Красной Армии: Документы и материалы 1923–1928 гг. В 2 кн. М.: Летний сад, 2006. 720, 525 с.
  13. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 14.
  14. РГВА. Ф. 54. Оп. 4.
  15. РГВА. Ф. 54. Оп. 15.
  16. РГВА. Ф. 33988. Оп. 2.
  17. РГВА. Ф. 37837. Оп. 10.
  18. РГВА. Ф. 37837. Оп. 11.
  19. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / Под ред. Г.Н. Севостьянова, А.Н. Сахарова и др. Сост. Н.М. Перемышленникова, А.И. Шишкин и др. В 10 т. Т. 2. 1924 г. М.: ИРИ РАН, 2001. 516 с.
  20. Тезисы доклада начальника снабжений РККА и РККФ о бюджете НКВМ СССР в 1924/1925 бюджетном году. 2 ноября 1924 г. // Реформа в Красной Армии: Документы и материалы 1923–1928 гг. В 2 кн. Кн. 1. С. 253–258.
  21. Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы: Монография. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 496 с.

DEVIATIONS IN THE APPEARANCE OF THE COMMANDING STAFF OF THE RED ARMY (THE SECOND HALF OF THE 1920S)

The article examines the suicides of the commanding officers of the Red Army in the second half of the 1920s as a very specific and painful symptom of the breakdown of the old and the formation of a new society in general and the folding of its military-corporate structure in particular. This problem is one of the characteristic and poorly studied indicators of the social and moral characteristics and attitudes of military personnel in the conditions of post-war psychological trauma, radical social transformations, political struggle, new economic policy and the consequences of the "military reform of the USSR". The causes, motives and specifics of the official, material, everyday, value, emotional and even medical conditions of the Red Army servicemen have been identified, systematized and analyzed. Special attention is paid to the commanding staff, including former officers as bearers of military traditions and shortcomings of the old Russian army during the formation of continuity with the Red Army. His office and home psychological microclimate during the period under study was characterized by serious lability and deviations, which adversely affected both the purely military sphere and the general socio-political well-being. The bulk of the sources used are represented by archival documents, which are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: the Red Army, commanding staff, suicides, former officers, moral character, military reform of the 1920s.

References

1. Abinyakin R.M. (2015) «Za ryumkoj vodki my kosnulis' ryada politicheskikh voprosov...»: Nastroeniya byvshih oficerov v Sovetskoj Rossii i SSSR v 1920-1930-e gg. [«Over a glass of vodka we touched on a number of political issues...»: The sentiments of former officers in Soviet Russia and the USSR in the 1920s and 1930s.] // Rodina. 2015. № 9. S. 110–114.
2. Abinyakin R.M. (2013) Nastroeniya byvshih oficerov na sluzhbe RKKA v 1920-e gg. [The sentiments of former officers in the service of the Red Army in the 1920s.] // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta: Nauchnyj zhurnal [Scientific notes of the Orel State University: A scientific journal]. 2013. № 4 (54). S. 47–52.
3. Berhin I.B. (1958) Voennaya reforma v SSSR (1924–1925) [Military reform in the USSR (1924–1925)]. М.: Voenizdat, 1958. 460 s.
4. Ganin A.V. (2022) Voenspecy. Oчерki o byvshih oficerah, stoyavshih u istokov Krasnoj armii [Military experts. Essays on former officers who stood at the origins of the Red Army]. М.: Kuchkovo pole, 2022. 768 s.
5. Ganin A.V. (2017) Povsednevnyaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trockom [The daily life of the General Staff under Lenin and Trotsky]. 2-e izd., ispr. М.: Kuchkovo pole, 2017. 680 s.
6. Doklad RVS SSSR. (2007) [Ne pozdnee 27 iyunya 1929 g.] [The report of the RVS of the USSR. No

- later than June 27, 1929] // Vestnik Arhiva Prezidenta Rossijskoj Federacii: Krasnaya Armiya v 1920-e gody [Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation: The Red Army in the 1920s]. M., 2007. S. 175–226.
7. Efimov N.[A.] (1928) Komandnyj sostav Krasnoj Armii [The command staff of the Red Army] // Grazhdanskaya vojna 1918–1921 gg. [The Civil War of 1918–1921]. V 3 t. T. 2. M.–L., 1928. S. 107–108.
8. Iz postanovleniya RVS SSSR «O politiko-moral'nom sostoyanii Krasnoj Armii». (2006) 27 iyunya 1928 g. [From the decree of the RVS of the USSR «On the political and moral state of the Red Army». June 27, 1928] // Reforma v Krasnoj Armii: Dokumenty i materialy 1923–1928 gg. [Reform in the Red Army: Documents and materials of 1923–1928]. V 2 kn. Kn. 2. M.: Letnij sad, 2006. S. 223–231.
9. Krasnaya panorama (1928) [The Red panorama]. 1928. № 11.
10. Minakov S.T. (2004) Voennaya elita 20–30-h godov XX veka [The military elite of the 20–30s of the twentieth century]. M.: Russkoe slovo, 2004. 504 s.
11. Prikaz № 55 RVS SSSR s obrashcheniem k lichnomu sostavu Krasnoj Armii v svyazi s 10-j godovshchinoj ee sozdaniya. (2006) 23 fevralya 1928 g. [Order No. 55 of the RVS of the USSR with an appeal to the personnel of the Red Army in connection with the 10th anniversary of its creation. February 23, 1928] // Reforma v Krasnoj Armii: Dokumenty i materialy 1923–1928 gg. [Reform in the Red Army: Documents and materials of 1923–1928]. V 2 kn. Kn. 2. S. 174–178.
12. Reforma v Krasnoj Armii: Dokumenty i materialy 1923–1928 gg. (2006) [Reform in the Red Army: Documents and materials of 1923–1928]. V 2 kn. M.: Letnij sad, 2006. 720, 525 s.
13. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA) [The Russian State Military Archive]. F. 4. Op. 14.
14. RGVA. F. 54. Op. 4.
15. RGVA. F. 54. Op. 15.
16. RGVA. F. 33988. Op. 2.
17. RGVA. F. 37837. Op. 10.
18. RGVA. F. 37837. Op. 11.
19. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) (2001) [«Top secret»: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922–1934)] / Pod red. G.N. Sevost'yanova, A.N. Saha-rova i dr. Sost. N.M. Peremyshlennikova, A.I. SHishkin i dr. V 10 t. T. 2. 1924 g. M.: IRI RAN, 2001. 516 s.
20. Tezisy doklada nachal'nika snabzhenij RKKA i RKKF o byudzhetе NKVM SSSR v 1924/1925 byudzhetnom godu. (2006) 2 noyabrya 1924 g. [Abstracts of the report of the Chief of Supplies of the Red Army and the Red Fleet on the budget of the NKVM of the USSR in the 1924/1925 budget year. November 2, 1924] // Reforma v Krasnoj Armii: Dokumenty i materialy 1923–1928 gg. [Reform in the Red Army: Documents and materials of 1923–1928]. V 2 kn. Kn. 1. S. 253–258.
21. Tinchenko YA.YU. (2000) Golgofa russkogo oficerstva v SSSR. 1930–1931 gody: Monografiya [Golgotha of Russian officers in the USSR. 1930–1931: Monograph]. M.: Moskovskij obshchestvennyj nauchnyj fond, 2000. 496 s.

Об авторе

Абинякин Роман Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева». E-mail: taurus.ra75@yandex.ru

Abinyakin Roman Mikhailovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Orel State University (Russia). E-mail: taurus.ra75@yandex.ru